

Милана
Седина

Юнона
Стангард

Мой хоккейный
ТРЕНЕР

— ШКОЛА ЧЕМПИОНОВ —

Юнона Стангард

**Мой хоккейный тренер.
Школа чемпионов**

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккейный тренер. Школа чемпионов / Ю. Стангард —
«Автор», «Автор», 2026

В первый же день в спортивном интернате мне предложили полмиллиона за ложное заключение: талантливый вратарь-сирота должен уступить место богатому мальчику. Я отказалась. Когда спонсор перешёл к угрозам, в дверях появился Арсений Громов — хоккейный тренер, бывший силовик КХЛ, которого здесь зовут «Гранитом». Он выдворил наглеца и пообещал не дать в обиду ни меня, ни своих ребят. Теперь мы вместе готовим команду к решающим матчам и защищаем интернат от директора, для которого детские судьбы — товар. Рядом с Арсением я забываю, как дышать. Но сможем ли мы отстоять мальчишек и нашу любовь, когда против нас деньги, власть и грязная игра?

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Седина, Юнона Стангард Мой хоккейный тренер. Школа чемпионов

Мой хоккейный тренер. Школа чемпионов

Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

В административном корпусе спортивной базы «Северная Вершина» к девяти вечера воцарилась та особенная, гулкая тишина, какая бывает только в загородных интернатах поздней осенью. За двойными деревянными рамами мерно шумели вековые карельские сосны, стряхивая на жестяной карниз тяжелый мокрый снег. В моем методическом кабинете пахло свежей типографской краской от новых формуляров, казенным хлорным мылом и крепким черным чаем с сушеной мятой, остывавшим в дорожной термокружке.

На рабочем столе ровными стопками лежали личные дела юношеского состава «Северных Соколов». Шестнадцать мальчишек от пятнадцати до семнадцати лет — старшая игровая заявка нашей команды. Половина из них — воспитанники интерната, одаренные сироты из закрытых детских домов Ленинградской области, зачисленные по государственной программе. Вторая половина — парни из коммерческой группы, чьи состоятельные отцы оплачивали индивидуальный лед, фирменные клюшки и канадские станки для заточки. Всего же в социальном блоке нашего интерната под круглосуточным присмотром жило сорок детей-сирот разных возрастов — от первоклашек до выпускников, и сейчас решалась судьба каждого из них.

Мой первый рабочий день в должности старшего завуча-методиста и спортивного реабилитолога подходил к концу. Но уйти в служебную комнату на втором этаже я не могла. На бланке шестнадцатилетнего вратаря Тёмы Лукина, чьи функциональные тесты, вестибулярная устойчивость и реакция опоры были безупречны, директор интерната Куракин поставил жирный карандашный знак вопроса. Без моего заключения сироту не допускали к контрольной игре через день с фарм-клубом «Витязь-2».

Тяжелые, уверенные шаги в пустом коридоре заставили меня вскинуть голову. Дверной замок щелкнул, и створка распахнулась без стука, глухо ударившись об ограничитель.

В кабинет ввалился грузный мужчина лет пятидесяти в расстегнутом кашемировом пальто поверх темно-синего костюма. Крупное, оплывшее лицо с тяжелым подбородком, водянистые мутные глаза и густой шлейф дорогого коньяка вперемишку с сигарным дымом. За его спиной в дверном проеме замерли двое широкоплечих парней в куртках ЧОП «Басов-Секьюрити».

Это был Борис Басов — главный частный спонсор базы и отец Максима Басова, шестнадцатилетнего нападающего и капитана команды.

— Ну здравствуй, завуч, — хрипло бросил Басов, шагнув к столу и даже не подумав снять перчатки из тонкой оленьей кожи. — Мне сказали, Куракин взял девицу из питерского института. Умная больно, законы цитирует.

Я выпрямила спину, положив ладони на прохладную полировку стола, чтобы унять мышечное напряжение:

— Добрый вечер, Борис Эдуардович. Приемные часы администрации завершились в восемнадцать ноль-ноль. Если у вас вопрос по индивидуальному графику Максима, запишитесь через секретаря на завтра.

Басов осклабился, обнажив металлокерамические коронки, и с размаху шлепнул по моим документам сложенным бланком:

— Ты мне зубы не заговаривай, девочка. Сюда, в заключение детдомовца Лукина, пишешь: «Эмоционально нестабилен, психомоторная реакция замедлена, к играм категории "А" не допускается». Мой Макс должен стать героем матча, а этот щенок сидит на лавке и не отвечает перед скаутами. Вместо него в ворота поставите парня из нашей частной секции — я договорился. Время пошло.

Охранники скрестили руки на груди, наглухо перекрывая единственный выход в коридор.

— Артем Лукин показал высший балл функциональной готовности среди всей команды, — спокойно ответила я, глядя спонсору прямо в переносицу. — Его психоэмоциональный профиль абсолютно устойчив. Врачебный допуск получен, мое заключение зарегистрировано в документах команды. Фальсифицировать медицинские показатели здорового подростка я не стану.

Лицо Басова потемнело, толстая вена на лбу налилась багровым. Он сунул руку во внутренний карман пальто и вытащил увесистую пачку пятидесятирублевых купюр в банковской ленте. С глухим стуком швырнул ее на клавиатуру моего ноутбука:

— Здесь пятьсот тысяч. Для твоей нищей учительской ставки — состояние. Берешь подъемные и пишешь отвод. Или через полчаса тебя вывезут за КПП в лес. Без вещей, без диплома и без шансов устроиться даже санитаркой в районную больницу. Поняла меня?

Сердце глухо толкнулось о ребра, но вместо страха внутри поднялась обжигающая, ледяная злость. Я опустила правую руку к краю стола и большим пальцем незаметно сдвинула сенсорный ползунок на рабочем смартфоне, активируя диктофон.

— Гражданин Басов Борис Эдуардович, — отчетливо, с расстановкой произнесла я. — Вы предлагаете мне взятку в размере пятисот тысяч рублей за должностной подлог медицинских документов несовершеннолетнего воспитанника Лукина Артема. И угрожаете физической расправой.

Заметив бегущую звуковую дорожку на экране, Басов побелел от ярости:

— Ах ты тварь!..

Его ладонь в перчатке хлестнула наотмашь, сбив телефон со стола. Аппарат отлетел в дальний угол под массивный дубовый шкаф, но пластик выдержал — микрофон продолжал писать звук. Басов занес кулак для сокрушительного удара, намереваясь впечатать меня в стену. Бежать было некуда. Мои пальцы легли на край тяжелого чугунного пресс-папье в форме якоря. Я не собиралась закрывать лицо руками — я приготовилась бить в висок при первом же шаге.

В этот миг воздух в коридоре содрогнулся.

Дверной косяк затрещал от такого удара, словно в него на полной скорости влетел тягач. Один из чоповцев кубарем влетел в кабинет, сшибая напольную вешалку, а в проеме выросла фигура, заслонившая весь свет ламп.

Арсений Романович Громов.

Старший наставник интерната стоял в черном тренировочном свитере «Северных Соколов». Его широченные, литые плечи почти касались косяков. Лицо, будто высеченное из карельского гранита — тяжелая челюсть, глубокая складка меж прямых бровей и прозрачно-серые, немигающие глаза хищника.

Громов сделал один пружинистый шаг, и его огромная ручища в тактической полуперчатке перехватила запястье Басова в паре сантиметров от моего плеча.

Раздался сухой, страшный хруст выкручиваемых суставов.

Басов взвыл на высокой, визгливой ноте. Громов жестким, выверенным движением заломил лучезапястный сустав олигарха книзу, блокируя локтевой нерв. Грузный, стокилограммовый спонсор подогнул колени и с глухим стуком осел на линолеум прямо у моих ног.

— Ты... Громов... по миру пушу!.. — хрипел спонсор, брызжа слюной.

Второй охранник рванулся вперед, выдергивая резиновую дубинку. Арсений даже не посмотрел на него: удерживая воющего Басова левой рукой, правым плечом и локтем он сделал короткое встречное движение. Чистейший силовой прием у борта КХЛ. Удар предплечья пришелся чоповцу точно в ключицу. Послышался треск, громила охнул и вылетел обратно в коридор, сбив напарника.

— Здесь спортивный интернат, Борис, а не твоя сауна, — глухо произнес Громов. Низкий бас вибрировал в стеклах. Он рывком вздернул стонущего спонсора на ноги и выставил лицом к

выходу: — Камера в коридоре тебя сняла, диктофон у Дианы работает. Заявление о нападении будет с доказательствами. Пошел вон с базы. Еще раз увижу твоих псов ближе ста метров — закопаю в сосняке под забором. Лично.

Басов, прижимая поврежденную кисть к груди, прошипел сквозь зубы: «Уходим». Тяжелые шаги быстро затихли на лестнице.

Громов закрыл массивную дверь на щеколду и повернулся ко мне. Я стояла, все еще сжимая чугунный якорь, с мелкой предательской дрожью в коленях от схлынувшего адреналина.

Арсений подошел вплотную. От него пахло морозным ветром, машинным маслом для заточного станка и крепким табаком. Он бережно разжал мои онемевшие пальцы, забрал якорь и положил на край стола. А затем накрыл обе мои ледяные ладони своими огромными, горячими руками со сбитыми костяшками. Это живое, чистое мужское тепло пробило мой внутренний холод до самого сердца.

— Цела, Диана Сергеевна? — тихо спросил он, заглядывая мне прямо в душу.

— Цела... Спасибо, Арсений Романович.

— Сама молодец. Глаза не опустила, диктофон включила, стойку держала, — едва заметно усмехнулся он углом рта. — Запомни: Лукина я им сожрать не дам. Это мой вратарь. И тебя в обиду не пушу. Ты теперь на нашей половине льда. Поняла меня?

— Поняла, — выдохнула я, не в силах отнять ладони из его горячих рук.

Он достал из-под шкафа мой уцелевший телефон, положил на пачку денег и добавил:

— Деньги не трогаем. Полиции отдадим вместе с записью. А сейчас вызываем наряд.

Я отправила запись в облако. Приехавшим сотрудникам мы дали объяснения и передали пачку; номер регистрации заявления я записала на обложке своей папки.

* * *

Утром в восемь тридцать я шла по стеклянному переходу в ледовый модуль с папкой медицинских допусков. До тренировочной раскатки оставалось полчаса, когда из коридора, ведущего к юношеской раздевалке, донеслись яростные крики и грохот железа.

У поворота мне наперерез бросился директор базы Валерий Семенович Куракин — в отутюженном пальто, с бегающими влажными глазками:

— Диана Сергеевна, стойте! У нас чрезвычайная ситуация! Вспышка респираторной инфекции, матч отменяется. Подпишите приказ об экстренном карантине!

— Карантин вводится исключительно по предписанию Роспотребнадзора, Валерий Семенович, — отрезала я, смерив чиновника ледяным взглядом. — Без официального акта это уголовная статья за служебный подлог. Отойдите, там бьют ребенка.

Я жестко отодвинула его плечом и распахнула тяжелую дверь раздевалки.

В помещении стоял густой запах пота, сушащейся амуниции и агрессии. В углу шестнадцатилетний капитан Макс Басов в термобелье с клубной эмблемой вжимал в металлические шкафчики худощавого Тёму Лукина. На полу валялся расколотый надвое защитный шлем мальчика.

— Ты сегодня на лед не выйдешь, детдомовец! — орал Макс, замахиваясь тяжелой крагой. — Из-за тебя моему отцу руку повредили! Я тебя прямо здесь покалечу!

Я шагнула вперед и перехватила правое запястье Басова-младшего точным анатомическим захватом за шиловидный отросток лучевой кости с одновременным давлением на нерв. Рука парня мгновенно обмякла, крага со стуком упала на резиновый пол.

— Отпусти, сука! — взвизгнул Макс, дергаясь всем телом.

— Убери руки от товарища, — отчеканила я. — Ты ждешь просмотра в молодежном клубе через полгода, Басов? А получишь разбирательство, отстранение и разговор с полицией. Я оформлю рапорт главному инспектору за сорок секунд.

Макс побледнел. Он привык, что любые проблемы решает папин кошелек, но перспектива разбирательства ударила наотмашь. Трое рослых нападающих из коммерческой группы

поднялись со скамеек с клюшками, окружая меня плотным полукругом. Но в этот миг дверь с оглушительным звоном распахнулась от удара ноги Громова.

— Скамейка. Сели. Оба звена, — глухо бросил он, войдя в зал с засученными рукавами.

Мажоров словно ветром сдуло. Парни моментально рухнули на свои места, вжав головы в плечи. Макс остался стоять, но Арсений подошел к нему вплотную и заглянул в зрачки с такой подавляющей мощностью, что капитан мелко задрожал и медленно опустился на край лавки, сжав челюсти до белизны.

Я тем временем опустилась на одно колено рядом с Тёмой. Мальчишка трясся всем телом, на скуле наливался багровый кровоподтек. Я положила пальцы на триггерную точку его верхней трапецевидной мышцы, мягко разминая спазм. Дыхание сироты стало ровным и глубоким.

— Меня выгонят, да?.. — прошептал он пересохшими губами.

— Никто тебя не выгонит. Завтра в ворота играешь ты, Тёма. С первой секунды. А в нападении первым звеном пойдут Егор Васильев и Басов.

В дверях появился директор:

— Арсений Романович! Басов-старший звонил — если не сделаете его сына главной звездой, через час на арене отключат свет за долги!

Громов вытащил из кармана свисток и небрежно уронил его в нагрудный карман директорского пиджака:

— Или играет Лукин — по праву и по результату. Или команду на лед против «Витязя» выводишь ты сам в лаковых штиблетах. А я посмотрю с трибуны вместе с журналистами.

Куракин поперхнулся воздухом и трусливо исчез в коридоре.

Глава 2

После раскатки я перехватила Тёму в подвале ледового модуля. Он волочил рванный брезентовый баул, пытаясь прошмыгнуть мимо:

— Диана Сергеевна, не надо! У меня все в порядке, я проволокой затянул!

Я расстегнула молнию и извлекла вратарский щиток. Пластиковый наколенник был расколот вдоль, поролоновая набивка выкрошилась в труху, а напротив суставной щели торчал острый край стальной крепежной скобы. Первый же щелчок шайбой раздробил бы мальчишке коленный сустав.

— В этом ты играть не выйдешь, — отрезала я. — Пошли на склад.

В цокольном складе инвентаря кладовщик Сидорчук — одутловатый мужичок, которому Куракин пообещал ставку старшего завхоза базы за сокрытие махинаций, — лениво жевал бутерброд:

— Новая форма только для коммерческой группы по списку директора. Детдомовским списание положено донашивать.

— Вон те коробки с лентой Минспорта, — потребовала я, указав на стеллажи. — Открывай резерв.

— Пошла вон, пока охрану не вызвал!

Из полумрака вырос Громов. Он легко взял Сидорчука за шкурку замызганного халата, оторвал от пола и опустил на конторку:

— Журнал учета на стол. Быстро.

Кладовщик задрожал и выложил амбарную книгу. На свежей странице красовался свежий акт списания пяти вратарских комплектов «Вауег» как «бракованных и утилизированных», а рядом лежали накладные на их отгрузку в частную секцию Басова. Руководство цинично воровало государственную форму сирот. Я сфотографировала каждую страницу на смартфон — первая железная улика легла в архив.

Арсений взрезал коробку ножом и чертыхнулся: внутри лежала взрослая форма размера XL на двухметровых вратарей сборной. Тёма в ней не смог бы даже согнуть колени, а детские комплекты уже вывезли с базы. До игры оставалось чуть больше суток. Старый заливищик принес Тёме исправную запасную маску из аренного резерва, но со щитками было хуже.

— Починим старые, — решила я. — Арсений, неси кевларовую ленту от тренажеров и листовой термопластик в слесарку. Я шесть лет собирала лонгеты в диспансере олимпийского резерва. Сделаем броню крепче танковой.

Три часа мы трудились в слесарной мастерской при арене. В воздухе сладко пахло разогретым пластиком, машинным маслом и канифолью. Я кроила кевлар и амортизирующую резину ножницами по металлу, Арсений удерживал клещами ребра жесткости, прогревая их раскаленной струей промышленного фена.

Внезапно трубцина сорвалась. Раскаленный край полимера дернулся вверх, брызнув мне на подушечки пальцев. Острая боль обожгла кожу, я вскрикнула.

— Тихо, тихо... — глухо выдохнул Арсений.

Его мощные руки подхватили меня за запястье. Он подвел меня к раковине и пустил прохладную воду, бережно придерживая мое запястье. Его широкая грудь была рядом, горячее дыхание касалось моих волос.

— Больно? — хрипло спросил он, заглядывая мне в лицо.

— Уже нет... — прошептала я, чувствуя, как от его близости перехватывает дыхание.

— Ты сумасшедшая, Соколова, — он провел большим пальцем по моей ладони, стряхивая с нее капли воды. — Настоящая. Я таких женщин в хоккее лет десять не видел.

Вода стекала между нашими сомкнутыми пальцами. Когда жжение утихло, я прикрыла обожженные места чистой повязкой. Мы вернулись к верстаку, и через сорок минут анатомический кевларовый щиток с титановыми клепками был готов.

Когда Тёма примерил броню и легко сел в глубокий шпагат, у него задрожал подбородок: — Диана Сергеевна... Арсений Романович... ее правда не отнимут?

Громов опустил руку на его плечо:

— Она твоя, Тёма. Именная, личным приказом наставника. Иди и покажи им стену.

* * *

За полночь накануне игры я сводила графики утомляемости игроков «Витязя-2» в методическом кабинете. За окнами густо валил снег, укутывая сосны белыми шапками.

Дверь тихо скрипнула, вошел Арсений — босиком в шерстяных носках, с кружкой крепкого чая и незажженной сигаретой в зубах. Он заметно припадал на левую ногу:

— Соколова, вырубай шарманку. Завтра на ногах стоять не сможешь.

Я поднялась, забрала сигарету из его губ и разломила пополам:

— В корпусе не курят. А спать пойдем, когда поймете, почему проиграете матч с вашей классической силовой схемой.

Я развернула экран планшета:

— «Витязь» тяжелее наших ребят в среднем на пятнадцать килограммов. При постоянном силовом давлении интернатовцы выдохнутся к середине второго периода. Нужны короткие спурты, смены ударных звеньев каждые сорок секунд и взрывной челночный перехват в средней зоне. К сорок пятой минуте их защитники не успеют вернуться назад. Мы возьмем матч скоростью.

Громов долго вглядывался в кривые утомляемости, затем поднял взгляд, полный изумления:

— Черт меня дери, Диана... В КХЛ профессора за такие раскладки миллионы получали. Где научилась?

— В олимпийском резерве дураков не держат. Садись на диван.

Он опустился на кожаный диван, поморщившись от боли. Я достала камфорно-арнико-вый бальзам, опустилась перед ним на колени и положила руки на его левое колено.

— Не трогай, — глухо бросил он, напрягшись всем телом.

— Не рычи, Арсений. У тебя жесточайший спазм четырехглавой мышцы бедра, послеоперационный рубец тянет надколенник в сторону. Завтра ногу заклинит на первой же минуте.

Мои пальцы глубоко вошли в триггерную точку под связкой. Он судорожно вцепился в подлокотники, стиснув зубы до скрежета, но через пять минут дыхание Громова выровнялось, плечи опустились.

— Семь лет назад это случилось, — тихо произнес он в полумрак комнаты. — Седьмой матч полуфинала Кубка Гагарина. Директор зашел в раздевалку и приказал слить игру ради букмекерских ставок. Я отказался, вышел на лед и сравнял счет. В овертайме меня целенаправленно впечатали в борт и сломали колено. Без меня парни все-таки выгрызли победу. А наутро клуб разорвал контракт без оплаты повторной операции — списали как отработанный материал. Так я оказался здесь.

Я подняла глаза, не убирая ладоней с его ноги:

— Ты не отработанный материал, Арсений. Ты лучший тренер, которого я видела в жизни. И завтра эти мальчишки будут биться за тебя, как за родного отца.

Он молча поднял меня за локоть и повел через служебный тоннель на пустую арену.

Над зеркальной гладью свежезалитого льда горели синие дежурные лампы, клубился морозный пар. У тренерского борта Арсений привлек меня к своей широкой груди. Бережно, с щемящей осторожностью он зарылся лицом в мои волосы, согревая своим горячим дыханием.

В этом взрослом, сильном объятии не было поспешности — только несокрушимое укрытие от всех бурь. Мое сердце забилося в унисон с его мощным пульсом.

Когда вдали зажглась сигнальная лампа ночного обхода, мы нехотя разомкнули руки, но Арсений крепко сжал мои пальцы:

— Завтра я докажу, что ты не зря приехала сюда, Диана.

* * *

В два часа дня ледовый дворец «Северной Вершины» гремел от рева трибун. Приехали родители воспитанников, спортивная пресса и скауты молодежных сборных. В центральной VIP-ложе восседал Басов-старший с забинтованной рукой в окружении охраны, а рядом суетился директор Куракин.

С первых минут арбитр начал откровенно подсуживать гостям, выписав удаление нашему защитнику за чистый отбор. Громов в ярости ударил ладонью по борту, готовый выскочить на лед:

— Я ему челюсть сломаю!

Я мгновенно встала перед калиткой и накрыла ладонью его сжатый кулак:

— Арсений, стой! Им нужен срыв! Держи строй, парни смотрят на тебя!

Он шумно выдохнул, возвращая ледяное самообладание:

— Понял, Соколова. Второе звено, смена сорок секунд!

На льду двухметровый форвард «Витязя» влетел коленом прямо в щиток Тёмы Лукина. Трибуны ахнули. Но кевларовый каркас намертво погасил удар! Тёма спружинил, растянулся в шпагате и ловушкой забрал летящую в девятку шайбу. Арена взревела от восторга!

Басов орал в рацию, требуя убрать сироту из ворот: героем матча должен был стать Макс. Куракин просунул трубку Громову через стекло:

— Басов приказывает убрать Лукина и дать Максу больше игрового времени, иначе разорвет спонсорский контракт!

Арсений взял рацию, спокойно произнес: «Пошел к черту, Борис» — и со всей силы расколотил ее о бетонный пол под оглушительную овацию трибун.

К концу второго периода счет был 2:2 — короткие смены измотали гостей. За пять минут до конца наш снайпер Егор Васильев после удара о борт рухнул на скамейку, задыхаясь от спазма диафрагмы. Врач команды осмотрел Егора и убедился, что тот может продолжить матч. Я села перед мальчишкой, удерживая его взгляд и помогая успокоить дыхание. В глаза Егора вернулся свет:

— Диана Сергеевна, я в порядке, я выйду!

Но тут взбунтовался капитан Макс Басов, швырнув клюшку на лед:

— Я не пойду таскать рояль для детдомовцев!

Я подошла к нему вплотную:

— Твой отец купил тебе эту форму, потому что считает тебя трусом и ничтожеством, не способным победить без его денег. И прямо сейчас ты доказываешь его правоту. Хочешь плакать — вали к папочке на трибуну. А на лед пойдут настоящие мужчины.

Макс побелел, стиснул челюсти до хруста, перехватил клюшку и перемахнул через борт.

Оставалось тридцать секунд. Вбрасывание в нашей зоне, бросок «Витязя» в упор! Тёма отбивает шайбу щитком и отбрасывает Басову. Макс на синей линии финтом убирает двоих защитников и ювелирной подкидкой отдает пас Васильеву на дальнюю штангу. Егор щелкает под перекладину!

ГОЛ! 3:2 за пять секунд до sireн!

Арена взорвалась! Пацаны накрыли Тёму кучей-малой, Макс победно вскинул руки как настоящий капитан команды. Арсений подхватил меня за талию, оторвал от пола и закружил:

— Мы сделали их, Диана! Твоя победа!

— Наша, Арсений! Наша! — смеялась я в его объятиях.

В подтрибунном тоннеле разъяренный Борис Басов попытался схватить меня за плечо:

— Ты мне сына сломала!..

Громов вырос мгновенно. Он припечатал олигарха предплечьем к бетону так, что посыпалась штукатурка, а Басов посинел:

— Еще один шаг к ней — и уедешь в реанимацию. Запомни: Соколова — мой методист и моя женщина. Тронешь — закопаю.

Спонсор сполз по стене, охрана уволокла его к выходу. Громов взял меня под локоть и сквозь овации ребят вывел наружу.

* * *

К десяти вечера база затихла.

Я поднялась на второй этаж жилого блока и замерла: замок моей служебной комнаты был залит строительной пеной, чемоданы стояли в коридоре, а на двери белело распоряжение об опечатывании.

Из темноты вышел директор Куракин с ядовитой ухмылкой:

— Доигрались в принципиальность? Басов закрыл финансирование общежития. Автобусов нет, ночуйте на вокзале, а в понедельник жду заявление об увольнении.

Тяжелые шаги заставили чиновника осечься. Громов поднялся по лестнице в расстегнутом бушлате:

— Заявление в прокуратуру о хищении детской формы ляжет на стол следователя завтра в девять утра, Валерий. Еще писк в сторону Дианы — и сядешь на семь лет.

Куракин побледнел и кубарем скатился по ступеням.

Арсений легко подхватил оба моих чемодана одной рукой, распахнул полу теплого бушлата и властно прижал меня к своему плечу:

— Пойдем, Диана. Ко мне, во флигель на опушке соснового бора. Там дрова сухие, печь растопим за пять минут. С этой ночи ты под моей охраной.

Мы вышли в морозную ночь под тихо падающий снег. Я шла рядом с ним, чувствуя его несокрушимое плечо, и знала: первая битва выиграна, но впереди нас ждет большая война.

Глава 3

Морозный ночной воздух после душных коридоров ледового дворца обжигал легкие чистой смолистой хвоей и первым настоящим снегом. Вековые сосны карельского перешейка смыкались над головой густым темным шатром, мерно раскачиваясь на ветру и тихо роняя на тропинку тяжелые белые хлопья. Впереди широкими, размеренными шагами шел Арсений, разрезая глухую лесную темноту ярким лучом тяжелого металлического фонаря. Оба моих увесистых дорожных чемодана в его огромных руках казались совершенно невесомыми.

У резной деревянной калитки, за которой начиналась заснеженная поляна со старым двухэтажным бревенчатым флигелем наставников, Громов внезапно остановился. Опустил вещи прямо в чистый пушистый сугроб и развернулся ко мне, скрестив руки на широкой груди.

— Ключи от служебного корпуса отдай, Диана. И пообещай, что одна за освещенный периметр базы ни шагу не сделаешь.

Я замерла на узкой тропе, зябко кутаясь в пальто:

— С какой стати, Арсений Романович? Я приехала сюда работать педагогом и реабилитологом, а не сидеть под арестом. Мне нужно проверять вечерние обходы, санитарное состояние комнат и методические кабинеты.

— Не спорь, — глухо перебил он, шагнув ко мне вплотную. В темноте его прозрачно-серые глаза хищно блеснули из-под нависших бровей. — Парни из охраны полчаса назад засекли у главных ворот базы два тонированных джипа. Борис Басов такое публичное унижение просто так не проглотит. Он прислал своих псов прошупать территорию. Я выставил на КПП надежных ребят-ветеранов, сам буду дежурить ночью. Тебя он попытается достать первой, чтобы сломать меня и команду. Поэтому предлагаю пока жить здесь. Ключ будет и у тебя, Диана. На обходы пойдем вместе.

От его слов по спине пробежал холодок, но в то же время внутри разлилось странное, щемящее тепло: этот гранитный великан заслонял меня собой без лишних слов, принимая на себя весь удар надвигающейся бури.

Я молча кивнула, подошла к крыльцу и попыталась поднять свой чемодан. Но подошва зимнего сапога предательски соскользнула на обледенелой ступени. Я взмахнула руками, теряя равновесие и уже готовясь рухнуть навзничь на мерзлые доски.

В ту же долю секунды сильные, горячие руки Арсения подхватили меня под мышки, легко оторвали от земли вместе с сумкой и одним мощным, бережным движением перенесли на сухое бревенчатое крыльцо. На мгновение я оказалась прижата к его груди — сквозь ткань свитера я почувствовала упругий, надежный жар его тела и запах морозного ветра.

— Под ноги смотри, Соколова, — усмехнулся он в темноте, открывая тяжелую дубовую дверь. — Ты нам целая нужна.

В доме стоял сырой подвальный холод: отопление отключили, изо рта вырывался густой пар. Я сразу подошла к массивному масляному радиатору у стены и щелкнула тумблером. Из старой розетки с сухим треском брызнули синие искры, запахло паленой пластмассой.

Арсений мгновенно оказался рядом, выдернул вилку из сети и отстранил меня широкой ладонью:

— Эту рухлядь не трогай, спалим деревянный дом. Сейчас будет настоящий огонь.

Он присел перед кирпичным камином в углу гостиной. Снял с крюка широкий охотничий топор, ловко расколол на щепу сухие сосновые поленья из плетеной корзины и чиркнул спичкой. Березовая береста вспыхнула ярким рыжим пламенем, сухая смола весело затрещала, и в кирпичную трубу с гулом потянуло первое живое тепло. Комната наполнилась сладким ароматом соснового дыма, прогретого дерева и долгожданного уюта.

— Спать будешь внизу, при кухне, — распорядился Громов, отряхивая ладони от коры. — Там диванчик есть, теплее всего от печной стены. А я наверх поднимусь.

Я окинула взглядом крошечную глухую каморку с узким топчаном и решительно покачала головой. Подхватила чемодан и зашагала по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Распахнула дверь в просторную, пахнущую смолой комнату с широкой кроватью и балконом с видом на спящие вершины сосен.

— Я методист интерната, Арсений Романович, — крикнула я вниз, поставив чемодан у шкафа. — Мы делим этот дом на равных правах. Верхняя спальня — моя. А ты, как хозяин, спишь ближе к входу и ружью.

Громов поднялся на площадку, ошарашенно посмотрел на меня, а затем медленно покачал головой, и в уголках его глаз залегли теплые смешливые морщинки:

— Командирша... Ладно, забирай спальню. Пошли чай пить.

На кухне на старой плите яростно свистел эмалированный чайник. Арсений по привычке потянулся зачерпнуть ледяной воды прямо из-под крана.

— Стой, — я перехватила его тяжелую руку за запястье. — Не смей пить сырую ледяную воду. Ты на арене сорвал связки, горло воспалено.

Я достала из сумочки холщовый мешочек с крымскими травами — сушеным чабрецом, перечной мятой и липовым цветом. Ополоснула глиняный заварник крутым кипятком, засыпала щедрую горсть трав и добавила две ложки янтарного гречишного меда из стеклянной баночки.

Арсений взял дымящуюся чашку обеими руками — огромными, со сбитыми темными костяшками. Осторожно сделал глоток, прикрыл глаза и шумно, удовлетворенно выдохнул:

— Диана, где ты такой чай берешь? В горле будто раскаленный штырь стоял, а сейчас отпустило.

— Бабушкин рецепт реабилитации связок, — улыбнулась я. — Пей до дна.

Я вышла на крыльцо, любуясь ночным бором. Через пару минут мороз пробрал свитер, плечи свело мелкой дрожью.

За спиной скрипнула дверь. Арсений неслышно вышел следом и набросил мне на плечи свой тяжелый овчинный полушубок. Вещь хранила тепло его мощного тела, пахла дубленой кожей, морозом и терпким табаком. Он встал вплотную, закрывая меня своим широким плечом от пронизывающего ветра.

Я прижалась спиной к его груди, вдыхая этот запах силы и надежности. В тишине падающего снега между нами родилось первое, чистое чувство настоящего дома.

* * *

Следующий вечер встретил меня бунтом в учебном классе спортивного блока.

После тяжелого дневного кросса по сугробам парни валились с ног от усталости. На доске я аккуратно начертила координатную сетку ледовой площадки и векторы движения шайбы.

Капитан Макс Басов демонстративно закинул ноги в кроссовках на соседний стул, воткнул в уши беспроводные наушники и врубил тяжелый бит на смартфоне так, что басы дрожали в стеклах:

— Слышь, пацаны, хорош ерундой страдать. Мы хоккеисты, а не очкарики с физмата. Какая на хрен тригонометрия? В хоккее решает дурь в руках и щелчок от плеча!

Ребята из платной группы дружно загоготали, захлопывая тетради. Тёма Лукин и Егор Васильев сидели на первой парте, виновато опустив глаза.

Я спокойно подошла к парте Басова-младшего. Одним точным движением вынула наушник из его уха, отключила звук на смартфоне и положила перед ним на парту официальный формуляр:

— Положение об учебно-тренировочном процессе школы олимпийского резерва, пункт тринадцать, Басов, — произнесла я с едва заметной внутренней улыбкой, пуская в ход закон-

ное право завуча наложить вето на заявку. — Игроки с академической задолженностью по общеобразовательным дисциплинам не допускаются к выездным турнирам сезона. Не сдашь зачет по геометрии — не поедешь на первенство Северо-Запада. Ни за какие папины деньги.

Макс вспыхнул, вскочил, нависая надо мной:

— Да плевать мне на ваши формулы! На льду никто с циркулем не бегает!

— Ошибаешься, — я повернулась к доске и взяла кусок мела. — Закон отражения: угол падения равен углу отражения с поправкой на коэффициент упругой деформации борта. Бро- сишь шайбу в лицевой борт под углом сорок пять градусов — рикошет отскочит прямо на клюшку защитнику соперника. А если изменить угол входа до тридцати двух градусов отно- сительно радиуса закругления — шайба пойдет по дуге точно на дальнюю штангу, за спину вратарю. Спорим?

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, в класс влетел директор Куракин:

— Что здесь происходит?! Диана Сергеевна, немедленно распустите платную группу по комнатам! Пусть детдомовцы свои хвосты подтягивают, а сыновей спонсоров мучить не поз- волю!

Я даже не повернула головы, доставая из синей папки гербовый документ:

— Вот утвержденная учебная программа, единая для обеих групп. Дайте письменное распоряжение освободить сыновей спонсоров от занятий, Валерий Семенович. Я приложу его к обращению в орган управления образованием. Хотите проверку прямо завтра?

Куракин подавился криком на полуслове, судорожно вытирая пот со лба.

А в дверном проеме уже стоял Громов, скрестив могучие руки на груди:

— Кто не сдаст геометрию Соколовой — завтра на ледовую тренировку выходит без клюшек. Со швабрами наперевес. Вопросы есть?

Куракин судорожно сглотнул и боком выскользнул в коридор.

— А теперь — в бросковую зону, — скомандовала я.

Мы перешли в зал с синтетическим полимерным покрытием. Макс Басов первым схватил клюшку и со всей дури трижды щелкнул по шайбе. Снаряд со страшным грохотом врезался в защитную сетку, просвистев мимо створа ворот.

— Борт кривой! — огрызнулся парень, тяжело дыша.

— Не борт, а твоя опорная нога, — спокойно сказала я. Я подозвала тишайшего Егора Васильева, поправила положение его конька: — Егор, бросок не на силу, а кистевой. Угол тридцать два градуса. Точно в белую метку на закруглении. Пошел.

Егор сделал мягкий, выверенный бросок. Шайба ударилась в закругление, под идеальным углом описала сокрушительную дугу вокруг стойки ворот и со звонким стуком вонзилась точно в правую девятку!

В зале повисла мертвая тишина.

Макс Басов застыл, не веря собственным глазам. Спесь мажора испарилась без следа. Он медленно подошел ко мне, опустил глаза и негромко, хриплым голосом произнес:

— Диана Сергеевна... покажите еще раз. Как рассчитать этот угол от борта?

Первая серьезная брешь в броне капитанского чванства была пробита.

После занятия, когда воодушевленные мальчишки шумно побежали в душ, мы с Арсе- нием вышли на морозное крыльцо ледового модуля. Громов налил мне горячего кофе из тер- моса. Наши пальцы соприкоснулись на горячем металле, по телу пробежала теплая волна.

— Ты сотворила чудо, Диана, — тихо сказал Арсений, глядя на меня с искренним муж- ским восторгом. — Они пахали сегодня как черти. Я бы сам к тебе на уроки по ночам ходил.

— Приходи, — улыбнулась я, глядя в его светлые серые глаза. — Научу тебя законам сохранения импульса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.